

ЕВГЕНИЯ Н. СТРОГАНОВА

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Институт славянской культуры)

ИВАН ЮВАЧЕВ: ЛИЧНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ

Ivan Yuvachev: personal and public

Ключевые слова: мемуарно-публицистические сочинения, автодокументы, социально-политическая деятельность, идеализм, религиозность

KEYWORDS: memoir and essay genre, ego-documents, social and political activity, idealism, religious commitment

ABSTRACT: The article draws on the personal fund of Ivan P. Yuvachev, member of the revolutionary organisation *Narodnaya Volia*, political convict and hard labourer, who eventually became a religious writer and memorialist. His literary heritage – unlike his son's, the absurdist poet Daniil Kharmis – has long remained forgotten. Basing on the biographical method, we elucidate the difference of self-expression of a writer in his texts designed for publication and his ego-documents. Our analysis aims at showing that his memoirs and essays uncovered Yuvachev's external biography, while his private texts – his diaries and personal correspondence – are more pertinent to reveal his creed, particularly the idealism that constituted the core of his personality. This raises the question of the writer's preserving the documents which concerned his private life. Our hypothesis is that Yuvachev was deliberately constructing his personal archive, ready to the fact that in future his life and destiny would become known in every detail.

Имя Ивана Павловича Ювачева (1860–1940) в наши дни порой сопровождается эпитетом «известный». Но эта известность пришла к нему относительно недавно, и вплоть до последнего времени сведения об этом человеке с трудом можно было найти. «Виновником» обращения исследователей к Ювачеву стал не столько сам он, сколько его знаменитый сын Даниил Иванович Ювачев – Даниил Хармс. Лишь благодаря ему в конце XX века проявился интерес к личности отца, которая действительно заслуживает отдельного внимания. Моя статья основана на материалах Государственного архива Тверской области, где находится личный фонд Ювачева. Речь пойдет не столько о внешней канве его биографии, сколько о тех сторонах жизни, которые скрыты от постороннего взгляда и открываются через тексты, написанные «для себя», – дневники и письма приватного характера.

Ювачев родился в семье придворного полотера и воспитывался в традиционном патриархальном духе, мальчиком был религиозен, иногда «пел на клиросе» (Миролюбов 1901, 50). Он много читал о путешествиях

в дальние страны и по окончании Владимирского уездного училища поступил в Кронштадтское техническое училище морского ведомства. В этот период он, как и многие его товарищи, проникся сочувствием к революционным идеям. По окончании учебы, служа в Черноморском флоте, приобщился к деятельности народовольческой военной организации и, по словам В. Н. Фигнер (1933, 96), был одним из тех, кто отличался «стремительностью революционной пропаганды» среди моряков. В 1883 году Ювачева арестовали, судили по «процессу 14-ти» и приговорили к смертной казни, которая была заменена пятнадцатью годами каторжных работ. Четыре года он провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях и восемь лет на сахалинской каторге.

Еще будучи морским офицером, Ювачев начал заниматься литературным трудом и впоследствии не оставлял этих занятий. После освобождения он активно печатался в религиозно-нравственных журналах «Русский паломник», «Отдых христианина», «Душеполезное чтение», помещал свои сочинения в «Историческом вестнике», выходили они и отдельными изданиями. Свои произведения он подписывал собственным именем или псевдонимом И. Миролюбов – от сложившегося на каторге девиза Мир и Любовь. Основными жанрами Ювачева были религиозная публицистика и мемуаристика. В его книге «Шлиссельбургская крепость» рассказывается об опыте самосохранения в тяжелейших условиях одиночного заключения¹. Воспоминания «Восемь лет на Сахалине» посвящены каторжному периоду и описывают повседневную жизнь каторги. В мемуарном очерке советского времени «Из записок старого моряка» речь идет о революционных настроениях молодежи 1870-х – начала 1880-х годов и об участии автора в деятельности «Народной воли». Таким образом, мемуарные тексты Ювачева воссоздают разные этапы его биографии. Они дают впечатление и о личности автогероя, но раскрывается она теми гранями, которые сам он считал возможным предъявить публике.

Публицистика Ювачева также имеет мемуарную основу. Его очерки – это всегда рассказ о собственном опыте приобщения к тем или иным сторонам жизни, о знакомстве с разными людьми, о своем восприятии явлений и событий, будь то паломничество в Палестину, знакомство с жизнью закавказских сектантов, посещение монастырей-тюрем и т. д. Ювачев обладал несомненным публицистическим даром, свое повествование он строил как информативно насыщенный живой рассказ от первого лица. Расстановка акцентов, а нередко и прямые дидактические выкладки, содержащиеся в очерках, дают представление о взглядах и убеждениях автора, однако не о его характере.

¹ В заключении он выработал систему правил самосохранения: «стараясь дисциплинировать свой ум», читал вслух лекции по любимым предметам – математике, физике, астрономии, переводил с английского и французского, занимался классическими языками (Миролюбов 1902, 193).

Но есть у Ювачева два беллетристических текста, которые можно расценивать как опыт автохарактеристики. Это рассказы об эпизодах личных отношений с женщинами, имеющие форму воспоминаний и лишенные общественного содержания. В названии одного из них использовано стихотворение А. К. Толстого – «То было раннею весною...» (в первоисточнике – «весной»). Герой рассказа наделен «...любопытным умом, ищущим света истины [...] добрым сердцем, нежным как у женщины», преданностью «чистым, святым идеалам», готовностью подымать «знамя истины, добра, красоты» (М. Л. 1915, 11). Второй рассказ – «Из семейной драмы» – не был опубликован, но сохранился в рукописи. Его главный герой Иван Иванович изображен как «чистейший идеалист», «сентиментальный и чувствительный», который «горячо стоял за эмансипацию женщин» (Рисунки и рукописи, 14 об.). Дневники Ювачева дают основание говорить, что оба героя наделены автопсихологическими чертами и процитированные выше характеристики можно рассматривать как авторскую саморепрезентацию. Одна из этих характеристик – «чистейший идеалист», т. е. человек, безгранично преданный высокой идее и посвятивший ей жизнь, дает особенно точное представление о личности Ювачева. Однако идеализм его с годами трансформировался: в юности он был окрашен в социально-политические тона, с годами же приобрел ярко выраженную религиозно-нравственную направленность. Идеализм Ювачева всегда принимал крайние, предельные выражения, и пережитые испытания привели к тому, что он посвятил свою жизнь идее «святости».

Решающее воздействие на «перерождение убеждений» Ювачева оказал арест. В условиях одиночного заключения он сделался истово религиозным человеком, произошла перестройка его эмоциональной и интеллектуальной жизни на религиозно-церковный лад. Чрезвычайной интенсивностью религиозного переживания определялось и общее восприятие действительности. В письме к родным от 19 мая 1887 года есть фраза: «Я так думаю, что верующий человек, внимательно относясь к своей жизни, видит непрестанно множество чудес» (Письма Ювачева к родным 1887, 2). И он непрестанно ищет совпадения, предвещения и предначертания в собственной судьбе, проецируя события своей жизни на Священную историю: «Итого со дня ареста сидел в Петроп.<авловской> крепости 430 дней, по числу лет пребывания Израиля в Египте» (Дневники и записные книжки 1890–1892, 20 об.).

В Шлиссельбурге Ювачев «изъявил желание изучать греческое писание» и в январе 1886 года получил Библию на греческом языке (Дневники и записные книжки, 26), по которой вел счет дням. Перечитывая тексты Священного Писания, он начал составлять примечания к Евангелиям. На каторге Ювачев постоянно читал духовные сочинения, много размышлял над библейскими текстами и продолжал писать собственные «толкования на Библию».

Он участвовал в постройке храма в селении Рыковском на Сахалине, где отбывал наказание, и принимал активное участие в церковной жизни как староста и помощник регента. В дневниках Ювачева в перечислении ежедневных дел постоянно фиксируются эти занятия и строгое соблюдение церковного календаря. Политический ссыльный Э. Плоский вспоминал о его образе жизни:

[...] Выписал себе с десятков различных единых библий и евангелий, разложил их на доске вдоль самой длинной стены комнаты и целыми часами изучал и сравнивал тексты разноязычных библий. Пятницу или субботу тщательно постился, а в воскресенье пел в церковном хоре и лишь после службы принимался за еду (Плоский 2014).

Бронислав Пилсудский, с которым был дружен Ювачев, считал его «религиозным фанатиком»². В дневниках Ювачева многочисленны записи о беседах на религиозные темы с близкими знакомыми и единомышленниками, причем нередко встречается реплика «сегодня много проповедовал». Свет веры, осенивший его, Ювачев стремился донести до других людей, и это желание, чтобы его проповедь была услышана многими, привело к созданию стихотворного сборника, который он предполагал назвать «Милость и Истина» (Строганова 2005; 2011; 2016).

После возвращения Ювачева в Центральную Россию не все родные могли понять и принять то стремление к «святости», которое он сделал нормой своей жизни, в частности строгое соблюдение постов. Одну из домашних сцен, спровоцированных сестрой Анной, он описывает в дневнике: «За обедом Анна стала язвить, упрекать меня “святостью” и называть “ханжой”. Это каждый день. Я не выдержал и попросил объяснить, как мне сделаться действительно святым, а не быть ханжой, и почему я ханжа?» (Дневники и записные книжки 1897, 31).

В апреле 1902 года, в возрасте 42-х лет, Ювачев познакомился с будущей женой – Надеждой Ивановной Колюбакиной (1869–1929), начальницей Убежища для женщин, освободившихся из тюремного заключения. Сохранились его переписка с невестой и большой массив семейных писем. Их обилие объясняется тем, что с 1903 года Ювачев состоял на службе в Управлении государственными сберегательными кассами и по роду своей деятельности постоянно находился в разъездах. В этой ситуации эпистолярное общение супругов было необходимым элементом сохранения семейных

² См.: Вуйцек 1998, 353. Ювачев хранил свою переписку с Пилсудским, но при аресте Хармса в 1931 году забрали и материалы его отца, которые, судя по документам, в 1934 году были переданы из НКВД в секретную часть Московского областного архивного управления, причем переписка, имевшая отношение к Пилсудскому, и письма Пилсудского к Ювачеву остались в НКВД (Инвентарная опись 1934, 2).

связей, что стало еще более актуальным с появлением детей. Остановлюсь на двух эпизодах, которые особенно проявляют идеалистическую настроенность Ювачева. Первый связан с тем временем, когда отношения между Ювачевым и Надеждой Ивановной приняли матримониальный характер. В не дошедшем до нас письме невеста сообщила Ювачеву «страшный факт» своей биографии. Сохранилось ответное его письмо от 8 января 1903 года, из которого становится понятна драма Надежды Ивановны.

Никакая фантазия до этого, что я узнал, не может додуматься... [...] И даже сомневаешься в своей догадке: да так ли? Что делать, к сожалению, я узнал об этом. И, конечно, лучше знать всю правду, чем давать волю фантазии и подозрениям. Но позвольте Вам заметить: зачем Вы говорили об этом [...] другим! Эту тайну Вы одна должны были знать и схоронить ее в себе. [...] Как никак, а этот факт – пятно на Вашем отце. И выставлять напоказ это пятно не следует. Власть отца над дочерьми громадна. Его судить мы не смеем. Вино чего не сделает! Вы помните библейский пример с Лотом... Но ведь Моавитянка³ Руфь была прабабушкой возлюбленного Давида и праматерью Иисуса Христа. Так что благословение Господне от вас не отнимется. Напротив, если Вы со смирением перенесете обиду, то Господь воздаст Вам сторицею. Итак, насколько это Вам возможно, свяжите обетом молчания всех лиц, кому это известно, и больше об этом н и к о м у (как М о а в и т я н к а) ни слова. На отца не обижайтесь. Какой бы ни был отец, – все-таки он о т е ц. И судить человеческие слабости нам нельзя. Разве Вы осуждаете Адама? А ведь он виновник всех наших бед... Да будет во всем воля Божия. Ему одному ведомы неисповедимые пути, которыми Он нас ведет к спасению. Что касается моего отношения к Вам, то это сообщение только заставляет еще более сочувствовать Вам, сострадать, соболезновать. Страхните с себя всякую мысль об этом прошлом и не думайте никогда впредь (Письма Ювачева к жене 1903, 2–3 об.).

Узнав о трагическом событии в жизни уже близкой ему Надежды Ивановны, Ювачев реагирует как человек добросердечный и разумный, при этом его реакция окрашена в религиозные тона. Он предлагает ей те аналогии, которые были актуальны для него самого, советует поступить так, как поступал сам, проецируя перипетии собственной жизни на библейскую историю, – отсюда и напоминание о мифологических прародителях. В патриархатном духе Ювачев символизирует фигуру отца, редуцируя таким образом индивидуальный характер драмы. Убеждая Надежду Ивановну не судить отца, он пытается внушить ей необходимость всепрощения, которое сделал принципом собственного существования.

Второй эпизод относится к начальному периоду семейной жизни, омраченной горестным событием – смертью новорожденного первенца.

³ Имеется в виду библейский рассказ о Лоте и его дочерях, забеременевших от отца; старшая дочь родила Моаву, родоначальника моавитян.

В смерти сына Надежда Ивановна винила себя: «Мне трудно быть покойной, зная, что я сама сгубила нашего крошку, не могу примириться с этой мыслью» (Письма жены к Ювачеву 1904, 1). Пытаясь успокоить жену, Иван Павлович писал ей в больницу 13 февраля 1904 года:

Ведь мы добровольно не отдали бы своего первенца Богу. У Тебя и в мыслях этого не было. А между тем так полагается: первого посвящать Богу [...] Верю, что Господь и нас утешит и даст нам хорошего сына (Письма Ювачева к жене 1904, 3 об.-4).

Религиозная риторика письма ориентирует на христианское смирение и веру в высшую справедливость, в чем Иван Павлович искал успокоения и для себя.

На протяжении всей жизни Ювачев неукоснительно соблюдал посты и строго придерживался религиозно-церковной обрядности. Особенности его обыденного поведения становятся понятны из писем жены, где она сообщает трогательные подробности о маленьком Данииле. Приведу лишь два примера. В письме от 4 февраля 1907 года читаем: «Научился он креститься и все крестится и кланяется» (Письма жены к Ювачеву 1907, 14 об.). Через три года, 22 октября 1910 года, она более определенно пишет мужу о том, что сын копирует внешние атрибуты его религиозного поведения: «Сегодня был молебен, Данила все время стоял молился и когда клал земной поклон, то руки на полу складывал так, как делаешь это ты, и следил, чтобы и все так делали» (Письма жены к Ювачеву 1910, 14 об.).

Надежда Ивановна уважала принципы мужа и с пониманием относилась к его привычкам, но их семейная жизнь была далека от идиллической. Судьба свела двух незаурядных людей, у каждого из которых была своя личная драма, и при всем их искреннем расположении друг к другу и обоюдном желании мира и согласия, отношения порой принимали конфликтные формы. Человек добрый и мягкий, Иван Павлович, как можно судить по переписке, был эмоционально сдержан в отношениях с женой и пытался играть наставническую роль. Надежда Ивановна, женщина самостоятельная и сильная, горячо любила мужа, не мыслила без него своей жизни, но стремилась сохранить внутреннюю независимость. Время от времени между супругами возникали серьезные разногласия, заходила речь и о разводе. Инициатива исходила от Надежды Ивановны, но очень характерна реакция Ивана Павловича. В его архиве сохранилось два неотправленных письма, которые были написаны в особенно острых ситуациях.

В недатированном письме 1906 года⁴ Ювачев упрекает жену в нелюбви и неуважении к нему и называет это основной причиной семейных неурядиц.

⁴ Всю переписку с женой Ювачев систематизировал. Этот недатированный тетрадный листок находится среди писем к Надежде Ивановне за 1906 год и по содержанию относится к этому

Сам он остается верен принципу смирения, но отвергает вмешательство посредников, считая, что отношения между супругами подлежат только высшему суду.

Чтобы ни случилось, принимаю как из рук Господа.

Ты хочешь расходиться? Пожалуй, у тебя найдутся некоторые основания:

1) Ты меня не любишь. Жена, которая любит мужа, ни под каким видом не покинет его. А для тебя довольно мимолетной вспышки, чтобы разойтись с мужем.

2) Ты меня не уважаешь. Ты знать не хочешь и ни в грош не ставишь мою прошлую борьбу за святые принципы до самопожертвования и навязываешь мне то, от чего отвращается душа моя.

3) Ты измучила меня угрозой уйти. Что за подруга жизни, за которую надо бояться, что вот-вот она не сегодня-завтра уйдет от тебя! Невыносимо три года балансировать на супружеском вулкане, ожидая каждую минуту взрыва. [...]

Я со своей стороны одно предложу: Если действительно хочешь разойтись, то давай расходиться мирно. Никаких посредников между мужем и женой, кроме Бога и ангелов его, не допускаю (Письма Ювачева к жене 1906, 31–31 об.).

Несколько лет спустя, 17 января 1911 года, на новом витке обострения отношений, он упрекает жену в безразличии к его духовным интересам, причины семейных аномалий объясняет нарушением традиционного гендерного порядка, свое же самоощущение характеризует библейскими аналогиями:

[...] Ты не дала себе труда познакомиться с моим духовным миром. [...] Слава жены – муж. Если она свою славу помрачает, то остается бесславною, конечно. А вся худость мужа в том, что он дал волю, дал главенствовать жене. Это против природы и против закона Божия. И все в семье перевернулось вверх ногами.

[...] А я, право, иногда себя чувствую, как Христос, когда Он говорит иудеям: «За какую вину вы хотите побить меня камнями? Что я худого тебе сделал?» (Письма Ювачева к жене 1911, 2–7).

Как показывают эти письма, в семейных конфликтах Ювачев так же, как и в других ситуациях, стремился следовать принципу смирения (правда, это не всегда удавалось), апеллируя к высшей воле. Подчеркну, что оба письма не были отправлены адресату. Мотивы неизвестны, но можно предположить, что, выразив на бумаге свое недовольство женой, Ювачев отчасти исчерпал для себя вопрос, снял психическое напряжение и нивелировал стресс. Письма остались неотправленными, потому что он, явно не стремясь к разрыву, не хотел усугублять неприятное положение и провоцировать дальнейшее взаимное раздражение.

Гораздо важнее вопрос, почему Ювачев сохранил эти письма, почему сохранил другие исповедальные документы, которые с обыденной точки зрения можно было бы предать огню? Причина, на наш взгляд, заключается в признании им уникальности человеческой жизни и собственной жизни в частности. Любой документ, имеющий отношение к человеку, есть фиксация жизни, а значит и ее сохранение. В прижизненных публикациях Ювачева его личность проявлялась по преимуществу в своей социально значимой ипостаси, но у него существовала потребность и более глубокого самораскрытия. На протяжении всей жизни он вел дневники, в которых отмечал свои психические состояния, эмоциональные потребности, интеллектуальные занятия, социальные контакты, физиологические ощущения, подробности своих снов, которые сами по себе являются интереснейшим человеческим документом. Больше того, он берег свидетельства, связанные с самыми незначительными событиями: квитанцию из переплетной мастерской, библиотечный абонемент, приглашение на публичное мероприятие и т. д. Сокровенные страницы дневников и имевшую сугубо интимный характер переписку с женой Ювачев сохранял как аутентичный материал, дающий более полное представление не только о содержании его личной жизни, но и об отношении к ней. Ювачев не исключал, а, скорее, предполагал, что это личное когда-нибудь может стать публичным, но не страшился публичности, был готов к ней и собирал материалы для предстоявшего в неопределенном будущем выхода из забвения.

Библиография

- Вуйцек, З. (1998), Из неизвестной переписки ссыльного Бронислава Пилсудского. В: Вестник Сахалинского музея. 5, 350–357.
- Дневники и записные книжки Ювачева (1897). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 2.
- Дневники и записные книжки Ювачева (1890–1892). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 4а. № 2.
- Инвентарная опись (1934). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911.
- Миролюбов, И. (1902), В заточении. В: Исторический вестник. 87/1, 181–210.
- Миролюбов, И. (1901), Восемь лет на Сахалине. Санкт-Петербург.
- Письма жены к Ювачеву (1904). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 2.
- Письма жены к Ювачеву (1907). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 1.
- Письма жены к Ювачеву (1910). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 2. Ч. 5.
- Письма Ювачева к жене (1903). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 1.
- Письма Ювачева к жене (1904). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 2.
- Письма Ювачева к жене (1906). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 4.

- Письма Ювачева к жене (1911). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 1. Ч. 9.
- Письма Ювачева к родным (1887). В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 3. Ч. 2.
- Плоский, Э. (2014), О Брониславе Пилсудском. Вступительное слово. В: <<http://www.icrap.org/ru/Ploski-9-1.html>> [доступ 26 марта 2014].
- Рисунки и рукописи церковного содержания. В: Государственный архив Тверской области. Ф. 911. Оп. 1. Ед. хр. 16. Т. I. Ч. 5.
- Строганова, Е. (2005), О книге стихов И. П. Ювачева. В: Столетие Даниила Хармса. Санкт-Петербург, 215–224.
- Строганова, Е. (2011), «Мария добрая явилась...»: (шлиссельбургско-сахалинские стихи И. П. Ювачева). В: *Alexandro P'ušino septuagenario oblata*. Москва, 242–253.
- Строганова, Е. (2016), «Милость и Истина» (О книге стихов Ивана Павловича Ювачева). В: *Православная культура: История и современность*. Olsztyn, 251–296.
- Фигнер, В. (1933). Избранные произведения. Т. 2. Москва.